

УДК 930.2 + 378.05

**ЧЕЛОВЕК ИМПЕРИИ И БУДУЩИЙ ИСТОРИК ИМПЕРИИ
В СТАЛИНСКОЙ ТЮРЬМЕ: СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО Н.П. СОКОЛОВА¹**

© 2021 г.

А.А. Кузнецов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

nalbuz@mail.ru

Поступила в редакцию 15.01.2021

Статья посвящена изучению Следственного дела Н.П. Соколова, который в 1938 г. был арестован и четыре месяца находился в тюрьме. Следственное дело содержит много сведений об этом эпизоде биографии Н.П. Соколова и его биографии до 1938 г. Из материалов дела следует, что Н.П. Соколов одобрительно относился к Советской власти. Он считал, что в СССР была восстановлена империя. В статье представлена реконструкция системы имперских взглядов Н.П. Соколова. После освобождения из тюрьмы Н.П. Соколов станет историком, и его главный труд будет посвящен истории (Венецианской) империи.

Ключевые слова: историческая наука, Н.П. Соколов, империя, Венецианская империя, информационно-справочное бюро Министерства иностранных дел Временного правительства, В.А. Бутенко, следственное дело, шпионаж, репрессии, следствие.

В биографии одного из патриархов нижегородской исторической науки Николая Петровича Соколова (1890–1979) имеется немало лагун. Одной из самых значимых является та, что связана с его арестом и пребыванием в тюрьме. Кроме самого этого факта и передачи со слов Н.П. Соколова некоторых смутных обстоятельств, о его тюремном опыте ничего не было известно. В 2019–2020 гг. удалось ознакомиться со Следственным делом № 10169 «По обвинению Соколова Николая Петровича». Опыт его интерпретации как исторического источника для жизнеописания и истории исторической науки в антропологическом аспекте представлен ниже.

* * *

8 сентября 1938 г. его задержали прямо в школе им. Ленинского комсомола (потом школа № 25, теперь гимназия им. А.С. Пушкина Нижнего Новгорода). Там он работал завучем и уже два года преподавал историю. Он разыскивался, вероятно, с 1929 г., а может быть и раньше. Затянувшиеся поиски объяснимы тем, что сотрудники органов внутренних дел не знали, где он, да и распространенная фамилия сбивала прицел. Неожиданно все сошлось в 1937–1938 гг. в Горьком. Очевидно, что тогда на допросе кто-то из жертв государственного террора припомнил его смелые слова о Советской власти, ее внешней политике, коллективизации – слова того, кого давно уже искали.

Допрос задержанного состоялся в тот же день – 8 сентября; а 9 сентября начальником Четвертого отдела Управления государственной безопасности (УГБ) НКВД по Горьковской об-

ласти, старшим лейтенантом госбезопасности Каминским должна была быть составлена «Справка» о прегрешениях задержанного. В ней обосновывалась необходимость ареста задержанного и привлечение его к уголовной ответственности [1, л. 1, 2]. Пока арестованного оформляли в тюрьме, в его доме по адресу «улица Ульянова, 24, кв. 3» прошел обыск. Были конфискованы чьи-то «Мемуары» и личная переписка [1, л. 7]. Видимо, был еще обыск в рабочем кабинете задержанного в школе: забрали ключи от шкафа, кожаный портфель.

На основании составленной Справки Каминский и начальник Третьего отделения УГБ младший лейтенант Кашеев подписали *Постановление*. Согласно его тексту, «Соколов Николай Петрович достаточно избличается в том, что в окружающей среде ведет антисоветскую агитацию, дискредитируя политику ВКП(б) и Советского правительства, одновременно занимаясь шпионско-разведывательной деятельностью... Ст. 58–10 ч. 1, 58-6 УК РСФСР. Избрать содержание под стражей в спецкорпусе горьковской тюрьмы» (здесь и далее в цитатах из документов сохранены орфография и пунктуация, в том числе и самого Н.П. Соколова). Статья 58, пункт 10 – это **«Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти...»**, а статья 58, пункт 6 – **шпионаж**.

04.01.1939 оперуполномоченный Четвертого отдела УГБ УНКВД по Горьковской области сержант госбезопасности Гольдфарб подготовил *Постановление*. В нем указывалось, что «расследованием шпионская деятельность Н.П. Соколова

не доказана. Факты его антисоветской агитации относятся к 1931–32 г.г. и недостаточно значительны для привлечения Н.П. Соколова к ответственности». А подписавший *Постановление* Временно исполняющий обязанности ВРИО Начальника Третьего отделения Четвертого Отдела УГБ Сержант госбезопасности Турумов заключил: «Дело по обвинению Соколова Николая Петровича в преступлениях предусмотренных ст. 58 п. 10 и 58 п. 6 УК РСФСР, производством прекратить. Соколова Н.П. немедленно из под стражи освободить. След. дело № 10169 сдать в архив» [1, л. 6]. Визы на освобождающем *Постановлении* 1939 г. принадлежат другим лицам, нежели на *Постановлении* об аресте в сентябре 1938 г.

Своим «ускользанием» из тисков органов госбезопасности Н.П. Соколов, очевидно, обязан своеобразной «оттепели», кадровой чистке «ежовых рукавиц» Советской власти. Связаны эти процессы были со стремительным взлетом Л.П. Берии, ставшего 25.11.1938 Наркомом внутренних дел. 27.11.1938 датирован последний документ – арест сберкнижки и облигаций Н.П. Соколова, подписанный Кашеевым. Свидетели по делу Соколова, опрошенные в конце декабря уже следователем Гольдфарбом (в основном, его бывшие сослуживцы), подтвердили все то, что Н.П. Соколов поведал о себе следователям. Стилистика допроса Н.П. Соколова старшим лейтенантом госбезопасности Каминским отлична от допросов свидетелей, произведенных Гольдфарбом. Каминский допытывался «Вы с нами не до конца искренни (не до конца честны)», т.е. подследственного пытались навести на нужные ответы. Гольдфарб спрашивал иначе: «Что можете сказать о политических взглядах Соколова?»; «Что Вы знаете о его партийной принадлежности?» – и, удовлетвовавшись ответом, ничего не уточнял и не развивал. В части Дела, ведшейся Кашеевым–Каминским, отсутствуют материалы, позволяющие понять источники информации для ареста и возбуждения дела. Более того, текст Справки был составлен заново Гольдфарбом (подписан им как Врио), и в нем зияют лакуны в графах подписей майора Лаврушина и старшего лейтенанта Каминского. Само дело не разбирается строго по составляющим (Кашеев–Каминский и Гольдфарб), но структурировано чересполосно по нисходящей от обвинения до его снятия. Вот порядок документов: Копия Справки, *Постановление* об аресте Соколова (09.09.1938), *Постановление* об аресте его ценных бумаг (27.11.1938), *Постановление* об освобождении Соколова (04.01.1939), *Протоколы обысков* (09.09.1938), *Анкета арестованного* (сентябрь

1938), *Протокол допроса* (08.09.1938), *Записка* Соколова «О моем отношении к Советской власти за время с октябрьского переворота до момента ареста» (20.09.1938), *Протоколы допросов* Гольдфарбом свидетелей 29–30.12.1938.

Такие странности можно объяснить двояко. С назначением Л.П. Берии руководителем НКВД, с началом смягчения маховика террора, в Горьком произошла смена личного состава госбезопасности и стали сворачиваться надуманные дела. Однако более исчерпывающей является другая трактовка. Лейтенанты Кашеев и Каминский, майор госбезопасности Лаврушин были объявлены врагами народа и арестованы. Правда на копии Справки, составленной Гольдфарбом, имеется напечатанная графа: «нач.упр. НКВД по Горьк. области майор гос.безопасности: Лаврушин» – без подписи майора Лаврушина [1, л. 1]. А согласно воспоминаниям горьковчанина, потом сотрудника Горьковского/Нижегородского госуниверситета А.Я. Левина, которому в 1938 г. было 17 лет, «как рассказывали», к «начальнику местного НКВД, кажется его фамилия была Лаврушин, ... приехавшая из Москвы группа его [Л.П. Берии] посланцев зашла в кабинет того самого наводившего ужас на население Лаврушина и расстреляла его прямо за столом без суда и следствия» [2, с. 48]. Ведшиеся ежовскими следователями дела оказались уликами их же «враждебной, вредительской деятельности», в результате которой для новых работников госбезопасности советские граждане арестовывались, а Советская власть дискредитировалась. Поэтому заведенные было дела, в том числе и соколовское, пересматривались. Этим можно объяснить нелогичный порядок документов в деле Соколова, подмену подлинника Справки ее отредактированной копией, в результате чего мог исчезнуть ряд обвинений, и отсутствие документов, в чем-то изобличивших Соколова.

Если бы не эти обстоятельства, историческая наука не получила бы в 1940–1980-е гг. историка Н.П. Соколова и его труд об образовании Венецианской колониальной империи [3; 4] не был бы создан – и судьба исторической мысли в нашей стране и в Нижнем Новгороде была бы иной. А в сентябре 1938 г. казалось, что спасения нет. Следственная петля затягивалась: «Соколов Н.П. с 1914 г. по Февральскую революцию 1917 года служил в Министерстве Иностранных дел, выполнял роль составителя обзоров по данным иностранной прессы. Просматривал все выходящие на иностранных языках Западной Европы труды государственных деятелей, в том числе и неопубликованные и делал выдержки для обзоров, которые составлялись для правительства.

В Октябрьскую революцию 1917 года, находясь в кабинете министерства иностранных дел, подготовлял материалы для доклада к поездке СКОБЕЛЕВА и ТЕРЕЩЕНКО во Францию.

СОКОЛОВ на протяжении ряда лет проводит к-р фашистскую агитацию, явно клеветает на Советскую действительность, заявляя

– «... в Д-Константинове раньше был писарь, да старшина, а теперь 400 человек, для мужика же безразлично, что раньше кормить кучку правителей и дворян, что теперь 400 человек на район, стоимость советского аппарата поглощает все преимущества планового хозяйства...».

В 1932 г. Соколов заверял, что Советское правительство ведет страну к голоду...:

– «... придет время, когда вместо конины будем есть человеческое мясо, это несомненно...»

Говоря о политике ВКП (б) в деревне...

– «... неужели власть не понимает куда завела политика развала сельского хозяйства, которое, в конечном счете является ведущим. Объясняется это, как политика упрямства СТАЛИНА. СССР сейчас неизбежно идет к голоду, к вторжению иностранцев, бороться с которыми у СССР нет сил, в виду негодной политики и руководства Советской власти»

По вопросу захвата Японией Китая, СОКОЛОВ говорил

– «... война с Японией началась, русские активно помогают и сражаются в рядах китайской армии. Это обстоятельство известно иностранцам и поэтому война неизбежна в ближайшее время». Вот она, **пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти.**

В 1932 г. к Соколову приезжал неизвестный немец, из Германии, проживающий в Берлине, с которым он впоследствии вел переписку» [1, л. 1, 2].

Этот визит «интуриста» и трактовался как **шпионаж**. В ходе допроса задавался вопрос и об общении Н.П. Соколова в 1921 г. с американцами из АРА («Американская администрация помощи»), когда тот там работал по совместительству (Н.П. Соколов ответил, что американцы в Гагино не приезжали [1, л. 12 об.]).

Компрометирующие Н.П. Соколова материалы делятся на нижегородскую часть (высказывания Соколова в кругу коллег, общение с немцем) и часть петроградскую (работа в Министерстве иностранных дел до февраля 1917 г. и после него). Если только петроградские улики не были изъяты Гольдфарбом, то в 1938 г. нижегородские прегрешения Н.П. Соколова стали основными, а петроградская вина лишь подтверждала его патологическую враждебность к Советской власти. Нижегородская линия осно-

вывалась на чьих-то показаниях. Вероятно, это был кто-то из его коллег, репрессированных до его ареста, в 1937–1938 гг. Если так, то не все подтвердилось. Вызванные в декабре свидетели вспомнили лишь две фразы Соколова из приведенных в Справке – о том, что скоро придется есть человеческое мясо и о том, что крестьяне Дальне-Константиновского района трудятся на 400 советских чиновников. Свидетели упомянули трех людей, присутствовавших при речах Соколова в 1931–1932 гг. и не приглашенных в 1938 г. на допросы. Один из них был точно арестован, и можно здесь назвать его фамилию – Иванов [1, л. 20]. Наверное, кто-то из них или все и показали на Соколова во время их следствия.

«Скелет в петроградском шкафу» скрывался Н.П. Соколовым и до, и после тюрьмы. Скрывался настолько, что сейчас даже незначительные сведения о нем сенсационны. Н.П. Соколов всю жизнь молчал о своей работе в информационно-справочной службе (бюро) Министерства иностранных дел Временного правительства. И этот биографический эпизод, и информационно-аналитическая служба при МИД в 1917 г. как достоверные факты – громкая новация, что извлекается только из Следственного дела. Правда, в Справке из Следственного дела служба Н.П. Соколова по МИД начата с 1914 г., но подследственный решительно опроверг это. А позднее данное сведение проявилось в биографии Н.П. Соколова в 1988 г. Ее авторы – Е.В. Кузнецов и В.М. Меженин, лично знавшие Н.П. Соколова, писали: «Соколов не был отправлен на фронт, но его привлекали к черновой и трудоемкой работе по переводу различных (преимущественно – газетных) материалов для российского МИД» [5, с. 129]. Ссылок на источники приведено не было. Это через 50 лет прорвавшееся через «устную историю» подтверждение компромата 1938 г. показывает, что горьковские офицеры госбезопасности откуда-то узнали не совсем внятную информацию о деятельности Н.П. Соколова в имперском Министерстве иностранных дел во время империалистической войны и о его неревolutionном поведении в революционном 1917 году.

Представление о том, что Соколову удалось спрятаться в нижегородской глубинке в то время, когда искали всех связанных с Временным правительством и меньшевистскими партиями [6, с. 94], не подтверждается. Из-за засекреченности оперативных документов ОГПУ–НКВД можно только догадываться, какие большие проверки по выявлению тех или иных лиц проводились «органами» после Гражданской войны. Так, в Нижегородской/Горьковской области в 1920-е–1930-е гг. разыскивали участ-

ников антисоветских восстаний на территории губернии в 1918–1920-е гг.: в 1930 г. И.А. Шитов был специально вывезен в Лысково для опознания одного из бессмысленно жестоких вожаков Уренского восстания Чачина [7, л. 4–5]. Подобные действия, конечно, предпринимались в отношении тех, кто работал в аппарате Временного правительства и пр. И мелькнувшая в его документах фамилия Соколова была взята на заметку. Это может быть совпадением, но в 1936 г. был арестован преподаватель-историк Горьковского пединститута Соколов (инициалов нет). Выяснилось, что он тоже родился в семье служителя культа, что он служил в колчаковской армии, что был исключен в свое время из рядов ВКП(б), что на семинарских занятиях у него звучали «контрреволюционные», «монархические» и «троцкистские» доклады [8, с. 77–78]. Как развитие версии о целенаправленном поиске сотрудника аппарата Временного правительства Соколова, можно предположить, что выявленный чекистами некий сотрудник аппарата МИД Временного правительства вспомнил тех, с кем работал в период с мая по октябрь 1917 г.

В ходе допросов актуальными для следствия остались высказывания Соколова в 1931–1932 гг. о содержании крестьянами одного района 400 тунядцев-чиновников, о том, что люди начнут есть человеческое мясо, его работа на Временное правительство и общение с иностранцем. Другие опасные обвинения были сняты Н.П. Соколовым во время допросов и составленным им 20.09.1938 документом «О моем отношении к Советской власти за время с октябрьского переворота до момента ареста».

На допросе Н.П. Соколов показал: «В 1917 г. при министерстве иностранных дел я выполнял работу по подготовке материалов для доклада Терещенко по обзору политико-экономического состояния Югославии, делая критические замечания по литературе иностранных писателей. Вся работа носила разовый характер. Постоянной должности в министерстве у меня не было»; «По работе в министерстве я был близко связан с Бутенко который заведовал информационным или осведомительным (точно сейчас не помню как оно называлось) бюро, но он находился не за границей, был командирован в Саратовский университет. Кроме Бутенко ни с кем близко связан по работе в бюро я не был и переписки ни с кем не вел» [1, л. 13].

Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931) – историк-новист школы Н.И. Кареева, изучавший политическую историю Франции XIX в., в октябре 1917 г. уехал в Саратов [9, с. 32–33], где в 1918 г. стал деканом историко-филоло-

гического факультета. Бутенко был арестован в 1929 г. по «Академическому делу». Знакомство с разными вариантами биографий В.А. Бутенко позволяет сказать, что никто из авторов с его следственным делом не работал – только справки из архивов ФСБ. А потому его осуждение на 10 лет лишения свободы и быстрая смерть от стремительного туберкулеза трактуются биографами общими словами об исконном злостворении Советской власти, которой достаточно было презумпции виновности бывших. Однако не упоминающееся в литературе информационное/осведомительное бюро при МИД Временного правительства, возглавлявшееся, по словам Н.П. Соколова, В.А. Бутенко, было грехом в глазах чекистов.

От В.А. Бутенко следователи в 1929 г. и могли узнать о работе Н.П. Соколова в МИД Временного правительства. Информационное (осведомительное) бюро при МИД Временного правительства является новым фактом и в биографиях Бутенко и Соколова, и в политической истории 1917 г. Кроме того, данный факт предопределяет гипотезу, что в неизученном Следственном деле Бутенко содержатся показания об этом бюро и его сотрудниках, а значит, и Соколове. В.А. Бутенко и Н.П. Соколов – это ученики Н.И. Кареева. На их примере можно наблюдать, как в революционной России 1917 г. происходила демократизация политической сферы. Эта вотчина посвященных, прошедших необходимые процедурно-сословные инициации, после февраля 1917 г. стала терять свои фильтры, и к принятию решений причастными оказались многие с демократической «улицы». Внешняя политика подверглась этому процессу после отставки П.Н. Милюкова, при его преемнике М.И. Терещенко. Подтверждением тому является вхождение историков В.А. Бутенко и Н.П. Соколова в аппарат МИД.

Поскольку В.А. Бутенко был сторонником подхода «войны до победного конца», а победа для него заключалась в разгроме Германии [9, с. 29–30], то он должен был ратовать за приобретение Россией-победительницей территорий. В силу этой гипотезы надо предположить, что в бюро В.А. Бутенко подбирал знакомых, коллег из числа единомышленников. И вот среди них был готовившийся к сдаче магистерского экзамена Н.П. Соколов, очевидно, имевший больший опыт работы референтом при МИД. Интересно показание Соколова на допросе о том, что он разово готовил обзор по политико-экономическому состоянию Югославии (данности 1938 г., не существовавшей в 1917 г.) [1, л. 12]. Кроме того, что этот регион в 1940–1970-е гг. будет постоянно находиться в поле

исследовательского зрения историка Соколова, есть еще источниковый аспект. Г.Н. Михайловский писал о втором министре иностранных дел Временного правительства: «Если Миллюков по балканским вопросам, например по константинопольскому, занимал свою собственную позицию и заставлял ведомство ее принимать, то Терещенко, наоборот, очень внимательно слушал, что ему говорили, и всегда соглашался» [10, с. 417]. К балканским вопросам и к проектам их решений был причастен и 27-летний Н.П. Соколов. Он – сторонник имперских миссий и приобретений России. Это не уникальный случай в истории отечественной внешней политики, когда историки оказываются вовлеченными в ее высшие сферы. Знакомый В.А. Бутенко и Н.П. Соколова по Петербургскому университету историк Е.В. Тарле решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28.01.1942 был включен в состав Комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира, а решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 04.09.1943 был включен в состав Комиссии по вопросам мирных переговоров и послевоенного устройства при НКВД [11, с. 117, 118] – тот самый Е.В. Тарле, который, по преданию, на защите кандидатской диссертации Н.П. Соколова в том же 1943 г. в Казани сравнил его с жемчужиной [12, с. 7].

После ареста и допроса уже не поднимался прописанный в Справке и Протоколе допроса факт: «В Октябрьскую революцию 1917 года, находясь в кабинете министерства иностранных дел, подготовлял материалы для доклада к поездке СКОБЕЛЕВА и ТЕРЕЩЕНКО во Францию». Может быть, информация об этом была изъята Гольдфарбом как неактуальная. Однако с точки зрения биографии Соколова данная информация представляет значительный интерес. Его воспоминания свидетельствуют, что он 25 октября, завершив обзор французских газет, покинул Зимний дворец и протиснулся через толпы осаждавших и гулявших [13, с. 168–169]. И сведения из Справки Следственного дела оказывается близким к истине. Известно, что Матвей Иванович Скобелев (в 1917 г. меньшевик, заместитель председателя Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, с мая по август – министр труда Временного правительства; 3–5 октября 1917 г. на закрытых заседаниях ВЦИК выдвигался депутатом «революционной демократии» на Парижскую конференцию с целью заключения мира без «аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределения»; в ходе переговоров с ВИКЖЕЛем выдвигался на пост Министра иностранных дел) был репрессирован в 1937 г. и

29.07.1938 приговорен к расстрелу. Из допросов Скобелева тоже могла прийти информация о работе Н.П. Соколова при МИД Временного правительства. В глазах чекистов Каминского и Кашеева цели Терещенко (имперская) и Скобелева (демократическая) на переговорах могли быть объединены, но Соколов-то трудился для Временного правительства, а потом в 1960–1970-х гг. сетовал, что Временное правительство осталось ему должно серьезную сумму денег за переводы [14, с. 38]. Последнее свидетельство если не подрывает показание Н.П. Соколова на следствии о разовых поручениях МИДа, то делает их значимыми.

Взятые в совокупности Следственное дело, «воспоминания» о воспоминаниях Соколова показывают, что в 1917 г. он находился на подъеме и в высшей точке своей политической карьеры. У него был опыт (с 1914 г.) работы при МИД, после февраля 1917 г. он готовил экспертные материалы для выработки важных внешнеполитических решений демократической России, но в духе державных ценностей. Это был уровень, про который А.С. Пушкин применительно к М.В. Ломоносову изрек «будешь помощник царям», с оговоркой, что царь уже отрекся, но масштаб тот же. Вероятно, на тот момент научные занятия Историей для Н.П. Соколова были на втором плане. Он уже творил Историю. И вот этот человек с русского политического олимпа 1917 г., наверное, с присущей ему иронией смотрел на тяжбы своих горьковских коллег-историков 1960–1970-х гг. по поводу того, кто из них больше В.И. Ленина слушал и видел (Н.М. Добротвор и В.Т. Илларионов). Поэтому и мнение Соколова в 1920 г. о втягивании СССР в войну из-за помощи Китаю, приведенное в деле, смотрится не досужим разговором, а выводом после долгого обдумывания специалистом.

Октябрьская революция не дала состояться Соколову-дипломату и политическому деятелю, но не могла уже изменить его политического кредо: сильная власть (он был свидетелем падения самодержавия и Временного правительства), сохранение державной целостности, Россия – деятельный субъект международных отношений. Такой вывод подтверждается и его Запиской «О моем отношении к Советской власти за время с октябрьского переворота до момента ареста». Но до нее рассмотрим еще два важных момента.

Один касается наполнения известного сюжета об общении Н.П. Соколова с иностранцем, понимавшемся осенью 1938 г. как шпионаж. Н.П. Соколов поведал следователям: летом 1931 г. в поезде «Москва–Горький» «Штарке совершенно не владеющий русским языком с

растерянным видом стоял посередине вагона и беспомощно показывал окружающим билет. Я, видя, что иностранец находится в неловком положении спросил его на немецком языке что он желает. Он очень обрадовался, что в вагоне нашлись люди, знающие его язык, спросив меня где найти место, указанное на билете и поместившись по простой случайности около меня, Штарке рассказал, что едет в экскурсию по новостройкам Сов. Союза. По приезде в г. Горький Штарке попросил меня оказать ему содействие в собирании некоторых сведений о г. Горьком, я дал согласие. Так мы действительно познакомились с постановкой антирелигиозной работы в г. Горьком посетив музей. Я предложил Штарке познакомиться по строительству ГАЗ но за не имением времени он отказался и переночевав у меня на утро уехал в Сталинград» [1, л. 13–13 об.]. Н.П. Соколов не упомянул, что водил немца в гости к Филимону Корниловичу Душкину (коммунисту, командира полка в Гражданскую войну). Тот сам поведал об этом в декабре 1938 г.: «Считаю необходимым сообщить следствию о том, что в 1931 г. в июне или июле месяце ко мне на квартиру пришел Соколов Н.П. с неизвестным мне иностранцем. На мой вопрос Соколов Н.П. мне заявил, что он пришел ко мне с туристом немцем для того, чтобы показать ему как живут коммунисты в Советском Союзе, так, как в Германии считают, что коммунисты в Советском Союзе живут роскошно за счет остального населения. Далее Соколов рассказал, что он с этим немцем познакомился в поезде при поездке из Москвы в гор. Горький и что в связи с тем, что немец совершенно не знает русского языка, Соколов ему оказал ряд мелких услуг. Затем Соколов его привел в «Интурист», но выделенный «Интуристом» переводчик очень плохо владел немецким языком и по просьбе иностранца Соколов взялся его сопровождать по гор. Горькому. – Просидев у меня минут сорок и напившись чаю мы втроем – я, Соколов и иностранец пошли в клуб Ворошилова посмотрели кино картину, а затем пошли гулять на откосе. Гуляя по откосу Соколов показывал иностранцу окрестности гор. Горького, указывая на огни Балахны, Сормова и Бора» [1, л. 24–25 об.]. Затем, согласно показаниям Соколова и Душкина, Рудольф Штарке из Германии прислал Соколову благодарственное письмо и книгу. Соколов в ответ поблагодарил и пригласил немца еще раз в СССР, но тот ответил, что поедет уже в Англию, и переписка прекратилась.

Показания Соколова и Душкина по этому вопросу почти совпали. Важным оказалось упоминание Ф.К. Душкиным в этой истории

«Интуриста», в котором знали о немце и альтруисте-переводчике Н.П. Соколове. А тот предусмотрительно на протоколе допроса своей рукой приписал: «Рудольф Штарке был препровожден мною в «Интурист» и по просьбе этой организации я выполнял в течении дня обязанности переводчика, не выполняя ни каких просьб о сборе сведений о г. Горьком» [1, л. 13 об.]. Все совпало. Кроме того, очевидный запрос НКВД в «Интурист», если его делали Кашеев и Каминский, документальное подтверждение обращения Н.П. Соколова и Рудольфа Штарке в «Интурист» в 1931 г. в совокупности обесмысливали обвинение в шпионаже.

Второй момент. Следственное дело Н.П. Соколова дает ряд новых сведений о его биографии. В Петрограде с 1914 г. по 1918 г. Н.П. Соколов, кроме гимназии Карла Мая, преподавал в реальном училище. Его жена – Александра Николаевна, старше на год своего мужа – работала лаборанткой в Мартыновской больнице. Даты рождения сына и дочери – 1921 и 1922 гг. – позволяют приблизительно датировать время первого брака Н.П. Соколова. Две сестры его – Лидия и Валентина – на момент ареста жили и работали в селе Хмелевицы Шахунского района, и Соколов заявлял, что только Советская власть дала им возможность получить образование и устроиться на работу [1, л. 10–11 об.]. В 1921 г., будучи в Гагино, Н.П. Соколов работал еще и по линии АРА. Не подтверждаются обвинения следователем Кашеевым в связях Соколова с царской семьей Романовых (казус однофамильцев и часов с вензелем великого князя Михаила, подаренных Ф.К. Душкиным) и угроза все рассказать, на которую Н.П. Соколов ответил сравнением с методами инквизиции [12, с. 6–7, прим. 2]. В материалах Следственного дела этого нет, как нет и следов допросов Кашеевым Соколова. Возможно, обвинение устно и было отведено после объяснения подследственного; или опять-таки сержант Гольдфарб устранил эти бумаги. Следственное дело не подтверждает расхожий стереотип об «эсерстве» Соколова, – это были лишь слухи, которые он опровергал. А свидетели по его делу в один голос говорили, что об эсерстве Соколова ходили слухи, но он их активно отрицал [1, л. 20–20 об., 22, 24–24 об., 32]. Тем не менее с 1980-х гг. мнение об «эсерстве» Соколова стало устойчивым в воспоминаниях и биографии, и никак не связано с его Следственным делом.

Далее приведем новый резонансный факт биографии Н.П. Соколова. В 1928 г. он был осужден на три года заключения по статьям 109 («Злоупотребление властью или служебным

положением..., которые, не вызываясь соображениями служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушения общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан...») и 133 («Нарушение нанIMATEЛЕМ... и соответствующими лицами государственных или общественных учреждений и предприятий, законов, регулирующих применение труда, а равно законов об охране труда и социальном страховании... Поставление работника, с нарушением правил об охране труда, в такие условия работы, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность») УК РСФСР от 1926 г.

Главное обвинение было по статье 109. Суть этого дела пока не известна, но связана она была, вероятно, с тем, что Соколов «В 1927 г. из Ветлуги... был переведен в г. Горький, где выполнял обязанности нач. планово-финансового отдела облторготдела» [15, л. 2]. Учитывая то, что вся жизнь Н.П. Соколова – ответ об абсурдности обвинений его в корысти и личной заинтересованности, свидетельство полной самоотдачи делу, то надо думать, что он попытался искоренить нравы и стиль работы совучреждения, высмеянные М.М. Зощенко, М.А. Булгаковым, И. Ильфом и Е. Петровым. Резкость суждений Н.П. Соколова – это уже общее место литературы о нем. Напомню лишь одно из них. Студент второй половины 1960-х гг. В.В. Помазов передал мнение Соколова о «проработке» 1940-х гг.: «С его же слов, в пединституте он прослыл женоненавистником и фашистом. Дело в том, что учились там в эти годы женщины, пришедшие на истфак не по призванию, а просто уклоняющиеся от всяких воинских мобилизаций. Учиться им было неинтересно, и в своих работах они дословно переписывали тексты из учебников, а Николай Петрович беспощадно ставил им «неуды» и приводил в пример работы единственного на факультете парня, которого по болезни не взяли на фронт» [16, с. 37]. Подобным отношением, административным стилем руководства, наверно, доходящим до затрагивания личного достоинства, Соколов создал круг недоброжелателей. Из них кто-то воспользовался его промахом и подал в суд. Подтверждает такое допущение то, что осужденный Н.П. Соколов обратился в Верховный Суд РСФСР и добился отмены приговора по кассации и даже не лишился избирательных прав. В «Записке» Соколов так отметил свое душевное состояние тогда: «к этому времени относится эпизод с привлечением меня к судебной ответ-

ственности по 109 ст., которое страшно тяготило меня, вызывало необоснованные или частично обоснованные обвинения против отдельных представителей власти. Решение Верховного Суда, освободившее меня от наказания я принял с благодарностью и радостью человека, освобожденного из большой беды» [1, л. 15–16].

Из вышеприведенных фактов вырисовывается облик человека со сложившейся идеальной моделью державности. Во внешней сфере – это миссия удержания и приращения территорий своей Родиной. Внутри – порядок, стабильность, честность и четкость личной работы, гарантии социального роста как оценки этой добросовестности, защищенности, а отсюда не так уж далеко – до социальной стратегии «Лидер и толпа». Об этом свидетельствует фраза Н.П. Соколова в 1950-е гг.: «Массы – пыль, пыль. Только личность, только личность делает историю» [6, с. 94].

Эта политическая аксиология подтверждается и Запиской «О моем отношении к Советской власти за время с октябрьского переворота до момента ареста» [1, л. 14–18]. Ее Н.П. Соколов обдумывал и подготовил 20.09.1938. Написанная карандашом на одной стороне листов, она содержит следы правки, уточнения мыслей автором. Они в большей степени являются стилистическими. Н.П. Соколов сочинял «Записку», имея запас времени. И если в протоколе допроса Н.П. Соколов вносил корректировки чернилами, то карандаши выдавались обычно в камеры. Соотнесение ее с Протоколом допроса 08.09.1938 показывает, что Н.П. Соколов уточнял свои показания, развивал их.

Краткое изложение *Записки*

Начинается она с заявления «Мое отношение к Советской власти за 21 год ее существования прошло несколько этапов развития». Таких этапов можно выделить шесть.

1. События непосредственно после переворота и до 1919 года. Соколов тогда опасался победы Германии над Антантой из-за выхода России из войны, сговора бывших союзников России с Германией за счет его Родины, и... Брестский мир это подтверждал. И его прямая речь: «Мне казалось, что Советская власть не будет в состоянии организовать разваливавшуюся по частям империю..., что Советская власть погибнет, но увлечет в своей гибели и страну».

2. Второй этап – после 1921–1922 гг. Советская власть отстояла от интервентов Кавказ, Украину, Юг России и Дальний Восток, угроза раздела страны миновала. Но Соколов проживал в селе Черновском Сергачского уезда и как учитель остро реагировал на разруху и столкновения с местными властями. О последнем он не

распространялся, но надо думать, что линия продрозверстки, осуществляемая уездными чиновниками, не учитывающая нюансы крестьянского быта, их произвол не могли не вызвать протест человека с государственным мышлением. А потому Соколов «в узких кругах» [ведь это не агитация, да? – А.К.] высказывался против некоторых экономических мероприятий.

3. Третьим этапом стал НЭП, особенно с 1923 г., когда Н.П. Соколов, как и большинство интеллигенции, приветствовал быстрое восстановление экономики, ликвидацию разрухи после двух войн. В стране наводился порядок. Однако в конкретном деле учительствования Н.П. Соколов осуждал власти. «Политика Наркомпроса с его бесчисленными реформами, которые сыпались на школу, вызывала с моей стороны даже официальные (на собраниях) возражения и в конце концов я даже в 1924 г оставил школу, занимаясь в ней от времени до времени по совместительству, конечно, я не делал различия между Наркомпросом и Советской властью». Школа на тот момент времени стала площадкой для социальных экспериментов в духе трудового и игрового обучения, основанных на разработках американца Дж. Дьюи. В советской действительности эти новации сконцентрировались в бригадном методе. Бригаде учащихся ставилась задача, и они должны были ее решать; роль педагога сводилась к консультациям и проверке, а отвечать должен был бригадир. В таких условиях вне процесса обучения проходила часть детей. Кроме того, огромная роль отводилась ученическому самоуправлению на идеологической закуске.

С занимательной, чуть насмешливой интонацией эти реалии учебного процесса 1920-х гг. преподнесены в «Двух капитанах» В.А. Каверина, что-то есть в «Кортике», «Бронзовой птице» и «Выстреле» А.Н. Рыбакова, «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева. Но это все – школьные картинки глазами детей, и нет взгляда учителей уходившей в прошлое дореволюционной школы, случайных людей и новых педагогов. Применительно к 1924–1926 гг. такую возможность дает роман Н.И. Кочина «Семен Пахарев» [17], где описан опыт директорства и преподавания в школе Павлова с 1924 г. (тогда Н.П. Соколов покинул школу). Загруженность школы методиками Дальтон-плана, Дьюи, бригадного метода, требования вышестоящих инстанций, не знающих школы, приводили в замешательство разношерстный педагогический коллектив. Н.П. Соколов, имевший опыт преподавания классических языков и древней истории в знаменитой петербургской гимназии Мая был приучен к системе дворянского и интелли-

гентского обучения императорской России, обусловленного сословным положением с присущими этосами, обеспечением карьерного роста, строгой дисциплиной, властью педагогического коллектива, отбора квалифицированных преподавателей, их служения делу учебы, которая работает на дело укрепления империи... А тут непонятные требования чиновников, власть учкома, за которым стоят партийные и комсомольские органы. Ломка основ образования вызывала критику Н.П. Соколова по причине несоответствия его представлению о месте и роли школы.

4. Следующий этап Н.П. Соколов оценивал так: «Годы 1924, 1925 и до первой пятилетки занимался уже в области хозяйственной деятельности, и мне казалось что быстрый рост хозяйства происходит от возврата к старым меновым отношениям. В эти годы я не припомню какого либо случая, когда я имел бы основания высказывать какие либо враждебные Советскому государству мысли».

5. «Великий перелом» с его индустриализацией, реконструкцией и коллективизацией Н.П. Соколов как опытный софист разделил на три неравные части и ипостаси. Первая часть – это первая пятилетка 1928–1932 гг., это хорошие условия жизни, но тут грянули судебное дело, а после него «чистка». Но Суд разобрался – «дал мне возможность еще раз увидеть Советскую власть в ее настоящем виде: милостиво относиться к тем, кто хочет работать на пользу страны».

В рамках этого периода Н.П. Соколов предумышленно выделил 2-летие: «Годы коллективизации (1929–30) с последующими трудностями в продовольственном и промтоварном снабжении вызывали во мне новые сомнения. Мне казалось, что политика Советской власти идет вразрез с НЭПом, что разрешить проблему коллективизации будет исключительно трудно, если не невозможно. В связи с этим у меня могли иметь место некоторые высказывания в этом духе». Видимо, так подследственный объяснял свои слова о том, что придут времена, когда придется есть человечину. Что он подразумевал, говоря это? Вспоминал страшный голод в Поволжье 1921 г.? Если его, то масштабный голод 1932–1933 гг. он предрек. Однако Соколов подстраховался тем, что им в подобных суждениях двигал мотив «государева человека» – он же работал на хозяйственных должностях. А потому показывал, что личное здесь не играло никакой роли: «Должен отметить, что лично я находился в хороших (по тогдашнему) условиях: получал хороший паек и т.д. За эти годы все наследство отца (несколько сестер) подросли и

легко устроились на работу: советская власть дала им образование, которого при отце в старое время, не могла получить, например, моя старшая сестра».

Но вот проблема коллективизации была снята, и для подследственного все встало на свои места. Главным для Н.П. Соколова было, что «Социалистическое Советское государство» показало «свои великие возможности». Это подвигло тогда автора Записки начать глубоко изучать труды «Ленина, Сталина, Маркса». Как промежуточный итог, доказывавший, что арестованный не мог питать враждебность к Советской власти, поскольку с ней сопрягались его гражданская позиция и личное благополучие, и он указал в настоящем времени, что получает самый высокий оклад 900–1000 рублей; что в школе с 1934 г. восстановили преподавание истории в школе (ее «выбрасывание из программ... еще при Луначарском» лишило Соколова возможности преподавать «мой предмет»); что в 1935 г. в школе восстановили «нормальные порядки и отношение» и отменили «позаимствования» из практики мелких школ Америки; что в 1936 г. Соколов перешел в школу для преподавания по своей специальности; что высокая оплата учительского труда и полученные навыки планирования и торговли обеспечили Соколову принадлежность к высшей категории работников.

6. После всего перечисленного Соколов заявил: «В годы 1936, 1937, 1938 до самого ареста... я почитал себя вполне счастливым человеком». И как обоснование искренности упор ставится опять-таки на внешней политике: «Внешняя политика Советского Правительства представляется мне в эти годы исключительно достойной» – без слов об интернационализме, мировой революции и пр.

Затем Н.П. Соколов предложил следователям вывод: его отношение к Советской власти менялось по мере преодоления ею хозяйственных бед, провалов в обороноспособности и дальнейшего развития экономики и военной мощи, вместе с условиями личного существования – от враждебного через «мелкое нытье и недовольство» к полному отсутствию вражды к «величайшим достижениям» – «стране победившего социализма». Он не отрицал критических высказываний в адрес Советской власти, но заявлял их как временные неверные суждения. В отношении шпионажа не соглашался, но «помогал» следователям заявлением: «даже позволил себя вовлечь в отношения и связи, которые справедливо могут почитаться шпионскими» [1, л. 18].

Считая часть вывода Соколова средством защиты себя, все-таки надо оценить эту Записку

как результат искренней рефлексии. Документ позволяет кристаллизовать иерархию ценностей Н.П. Соколова, которым соответствовало развитие Советской государственности с 1917 г. по 1938 г.

С учетом того, что он в камере размышлял над Запиской, оттачивал формулировки, показательно появление слова «империя». Оно применено в связи с тем, что Советская власть не могла удержать разваливавшуюся империю. Такая идея есть и в Протоколе допроса, но без «империи». А тут в тексте, который арестованный тщательно выписывал, он появился. И контекст появления следующий: империя – данность, которая не зависит от политического строя. Он может лишь сохранять (или нет) имперскость. Империя Отчизны Н.П. Соколова, кроме собственно России, включала Украину, Бессарабию, Кавказ, Юг России (очевидно, Среднюю Азию) и Дальний Восток. И Н.П. Соколов дал кредит доверия Советской власти, потому что она сохранила империю. СССР второй половины 1930-х, в понимании Соколова, – империя, хотя он уже нигде не пишет так.

Для Соколова, империя хранит себя, свое территориальное единство через отстаивание государством/правительством ее целостности. А ведь Советский Союз сумел «организовать» и восстановить «разваливавшуюся» было в Гражданскую войну «империю». А ведь она была организована, то есть для Соколова она осталась в советских одеяниях. Империя характеризуется «достойной внешней политикой», то есть активной, что демонстрировало советское правительство Соколову во второй половине 1930-х гг. Все это было возможно, для автора Записки, при наличии сильной власти, когда государство находится «в достойных руках». Наверное, под этим понималась сильная централизованная власть, лишенная разногласий в решении политических задач.

Устойчивость империи выражается и в развитии хозяйства. В 1917 г. и власть царя, и власть Временного правительства не смогли экономически отстоять империю, она развалилась. А вот Советская власть оказалась более состоятельной и достойной империи. Относительно развитой экономики державы, то для Н.П. Соколова ее главным показателем оказывается промышленность (индустрия), затем следуют развитые торговля и снабжение населения (хотя прямо он их не называет). Воспринимать это как гармонию два года мешала коллективизация, разрывавшая торговые связи и создавшая перебои в продовольственном и промтоварном снабжении, перегруженный бюрократический

аппарат, который должны были кормить крестьяне. И никаких слов жалости по отношению к коллективизируемому крестьянству у Н.П. Соколова нет, что косвенно свидетельствует о равнодушии его к эсеровской программе. Да и имперскость Соколова тоже не особенно сочеталась с ней. Но вот колхозы были созданы, и сельское хозяйство оказалось вмонтированным в бурно развивавшуюся экономику, каналы товарного и продовольственного снабжения были отлажены, и все стало его устраивать.

Бюрократизацию Н.П. Соколов хотел победить более моральными, нежели правовыми, действиями. Надо честно служить делу, невзирая на препоны в виде циркуляров, нормативов. И он получил подтверждение этому, когда Верховный Суд оправдал его самоуправство. Империя защищает своих работников и ценит их, что Соколов отстраненно каждый раз подчеркивает, рассуждая о своем карьерном и материальном росте. «Империя» заботится о развитии своего населения, и сестра Соколова сумела получить образование, что было невозможно до 1917 г. И это дополнительный довод в пользу того, что СССР состоялся как империя, в отличие от государства, рухнувшего в 1917 г., государства, которое не только не отстояло империю, но и не заботилось о подданных.

Империя для Соколова – это и строгая, классически выстроенная система образования. В ее школе действуют строгие правила, за которыми стоит опыт поколений педагогов, где учитель строго учит, а ученики воспринимают его как авторитет. Это авторитарная педагогика. И здесь Советский Союз, восстановивший к середине 1930-х гг. дореволюционную систему образования, оказался достойным уважения Н.П. Соколова.

Все эти сферы империи – сильная власть, внешняя политика, отстаивающие целостность страны, хозяйство, борьба с бюрократией и школа – обсуждаются Соколовым не лично, а Соколовым как «государственным человеком». О хозяйстве страны он рассуждал как человек, имевший опыт управления, снабжения и торговли в рамках Нижегородского/Горьковского края. Мнение о школе выражал практикующий учитель, знающий, как и для чего надо учить. И его критические замечания, за которые его ввергли в узилище в 1938 г., – это консервативное осуждение неверных новшеств, неудачных экспериментов. Рассуждения отнюдь не мещанина, а ответственного работника, ратующего за гармоничное существование империи.

Имперское кредо (а Н.П. Соколову в 1938 г. – 48 лет) выстрадано, и подследственный не стесняется через него объяснять следователю фор-

мирование своего позитивного отношения к Советской власти. Она же показала ему истинное лицо, восстановив порядок в образовании и преподавании истории, оправдав в 1928 г. Соколова.

Соколов не мог знать в 1938 г., что он будет заниматься наукой, что после победоносной для его страны Войны им будет защищена и докторская диссертация, а потом опубликованная в виде монографии на русском и польском языках. И в диссертации будет стоять слово «держава», а в названии книги ее заменит «империя». Труд, в котором он проследит, как из итальянского города будет вырастать, шириться мощная средиземноморская империя.

Исходя из определения, ««русская историческая школа» [второй половины XIX – первой трети XX в.] – цельное системное научное общество, стоящее на схожих методологических и идеологических позициях, исследующее проблемы всемирной истории для поиска эффективного и приемлемого для России исторического опыта» [18, с. 292], надо оценить главный труд Н.П. Соколова о Венецианской державе. Империя как культурно-политическая организация России для него была так ценна, что через ее своеобразную советскую реставрацию историк постигал ее, искал обоснование этого опыта в научной реконструкции Венецианской империи. И в этом поиске он продолжал традиции «русской исторической школы» в Горьковских пединституте и университете.

Н.П. Соколов в 1938 г. ни про кого, кроме покойного В.А. Бутенко, ничего не сказал, никого не оговорил и не отказался ни от одного своего высказывания, которые ему вменяли в вину. По ряду пунктов, идей высказывания Н.П. Соколова, его Записку можно отнести к «сменовеховской традиции», считать близкой к эмигрантским текстам Н.В. Устрялова, расстрелянного в 1937 г., – с той разницей, что они выстраданы бытием человека Российской империи внутри РСФСР–СССР в первые два десятилетия их истории, человека, не находившегося в прямой оппозиции власти, но трудившегося при ее засилье на благо себя и своей страны. Если же совокупность воззрений Н.П. Соколова, выявляемых при изучении Дела, спроецировать на 1917 г., то они видятся более близкими к программным установкам кадетов.

Мировоззренческие установки Н.П. Соколова при компаративистском соотношении обнаруживают близость с показаниями его погодка М.А. Булгакова. Почти ровно за 12 лет до ареста Н.П. Соколова и его допроса – 22 сентября 1926 г. – М.А. Булгаков бы доставлен на допрос в ОГПУ. И вот несколько цитат из Протокола: «Связавшись слишком крепкими корнями со стоящей Советской Россией, не представляю

себе, как бы я мог существовать в качестве писателя вне ее. Советский строй считаю исключительно прочным. Вижу массу недостатков в современном быту и... отношусь к ним сатирически и так изображаю их в своих произведениях»; «Литературным трудом начал заниматься с осени 1919 г. ...при белых. Писал мелкие рассказы и фельетоны в белой прессе. В своих произведениях я проявлял критическое и неприязненное отношение к Советской России»; на вопрос о политической подкладке «Собачьего сердца» писатель отвечал, что «политические моменты есть, оппозиционные к существующему строю». И в концовке протокола допроса уже рукой М.А. Булгакова сделано пространное заявление, из которого обращают на себя внимание несколько позиций: «На крестьянские темы я писать не могу потому, что деревню не люблю. Она мне представляется гораздо более кулацкой, нежели это принято думать; я быт рабочих представляю себе хотя и гораздо лучше, нежели крестьянский, но все-таки знаю его не очень хорошо; я занят, я остро интересуюсь бытом интеллигенции; я могу писать только из жизни интеллигенции в Советской стране. Но склад моего ума сатирический. Из-под пера выходят вещи, которые порою, по-видимому, остро задевают общественно-коммунистические круги. Я всегда пишу по чистой совести и так, как вижу» [19, с. 334–335]. М.А. Булгаков за общими словами своего бытия у белых умолчал, что сам пошел к ним на службу и был у них врачом, что хотел с ними уйти в эмиграцию, а Н.П. Соколов всячески уводил следователей от своей активной службы Временному правительству. Если верны суждения-слухи мемуаристов о несостоявшейся дипломатической карьере Н.П. Соколова (то ли в Швейцарии, то ли в Швеции, то ли в Италии), то и тут отмечается типологическое совпадение с несостоявшейся эмиграцией М.А. Булгакова. И биограф М.А. Булгакова отмечает, что на допросе тот общался «с властью, которая ни тогда, ни позднее не стала карать человека, ничего от нее не сокрывшего» [19, с. 337]. Подобное случилось и с ровесником писателя в ином городе спустя десятилетие, и стиль общения с чекистами у незнакомых друг с другом людей был схож. В случае Соколова добавилось еще одно обстоятельство. Вторая половина 1930-х гг. характеризуется особым вниманием властей к политической внутрипартийной борьбе, а интеллектуально-идеологический универсум Н.П. Соколова никак не пересекался с пространствами троцкистским, зиновьевско-каменевским, бухаринским. Система ценностных координат Н.П. Соколова решительно не сопрягалась с

клишированным мышлением старшего лейтенанта Каминского. Тот, заполняя протокол допроса, приписал Н.П. Соколову следующее объяснение неприятия им Октябрьской революции: иностранные государства и Германия «снова восстановят капиталистический строй с гораздо более жестокой диктатурой». С этим квазисофизмом Н.П. Соколов не согласился и продиктовал свою, более логичную, версию: «расчленил Россию на большое количество отдельных государств под властью Германии или держав Антанты» [1, л. 12 об.].

Присущие Н.П. Соколову прямота и резкость, фиксируемые мемуаристами, проявились во время Следствия и вместе с внешними обстоятельствами способствовали заднему ходу репрессивной машины 1930-х гг. в деле завуча средней школы.

Ко второй половине 1930-х гг. Н.П. Соколов, сформировавший еще до 1917 г. свои этические устои и социально-политические идеалы, сумел их сопрячь с результатами развития РСФСР–СССР: от Революции, Гражданской войны – к восстановлению положения на международной арене, складыванию завершённой экономической системы с ресурсами устойчивости и высокими темпами роста, к системе массового образования – через реставрацию основ имперской школы. И в этот момент на Соколова обрушилась оценка Советским государством его былых поступков и критических высказываний, обусловленных имперской аксиологией. В этой драме сторонами конфликта выступили Н.П. Соколов и та самая государственность, которой он уже внутренне с 1936 г. присягнул. Счастливое избавление от несправедливых обвинений и перспективы лагерей или высшей меры наказания было не только положительной развязкой драматического конфликта, победой Н.П. Соколова, но и подтверждением для него правоты его же анализа и наблюдений, позиции. Тем самым Советская империя безотносительно к идеологической составляющей обрела верного служителя и охранителя. И эта внутренняя убежденность проявится и в тематике докторской диссертации, и в общественно-политической позиции 1940–1970-х гг., которая лишь на первый взгляд совпадала с общей линией КПСС и Советского государства, а на самом деле зиждилась на совершенно иных политических и морально-этических принципах.

Автор статьи благодарит сотрудников Центрального архива Нижегородской области и Комитета по делам архивов Нижегородской области за возможность ознакомиться с архивным делом Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-2209. Оп. 3. Д. 782 и за раз-

решение использовать его в научных исследованиях и публикациях.

Примечание

1. Статья представляет собой адаптированный для публикации текст пленарного доклада «Мне казалось, что Советская власть не будет в состоянии организовать разваливавшейся по частям империи»: жизненная и мировоззренческая драма Н.П. Соколова в 1920–1930-е гг. (по новым источникам)» на конференции, посвященной памяти профессора Н.П. Соколова в ННГУ им. Н.И. Лобачевского (3 декабря 2020 г.).

Список литературы

1. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-2209. Оп. 3. Д. 782. «Следственное дело № 10169 по обвинению Соколова Николая Петровича по ст. 58 п. 10 ч. 1 и 58 п. 6 УК РСФСР».
2. Левин А.Я. Свидетельство о войне и мире. Н. Новгород: PRO SVET, 2016. 502 с.
3. Соколов Н.П. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1963. 542 с.
4. Sokolow N. Narodziny Weneckiego Imperium Kolonialnego. Warszawa: Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1985. 447 s.
5. Кузнецов Е.В., Меженин В.М. Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: Выдающиеся ученые. Горький: Изд-во ГГУ, 1988. С. 127–137.
6. Левин А. Не подводя итоги... // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. / Под ред. А.А. Кузнецова, А.Н. Маслова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2011. С. 91–95.
7. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 7875. Д. 284.
8. Кузнецов А.А. «В буднях великих строев» // Век на педагогической ниве. К 100-летию юбилею ННГУ. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2011. С. 56–87.
9. Егорова С.Л. Историк В.А. Бутенко. Портрет на фоне эпох. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный ун-т, 2013. 140 с.
10. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Т. 1. М.: Международные отношения, 1993. 520 с.
11. Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) «О комиссии по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира» от 28 января 1942 г.; Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об образовании комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства и комиссии по вопросам перемирия от 4 сентября 1943 г. / Вестник Архива Президента РФ // Источник. Документы русской истории. 1995. № 4 (17). С. 116–119.
12. Фионова Н.А. Николай Петрович Соколов (1890–1979). Библиобиографическая справка. Горький: Изд-во ГГУ, 1990. 15 с.
13. Меженин В.М., Кузнецов Е.В. Страницы нижегородской историографии: профессор Н.П. Соколов // Исследования по истории России. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. С. 165–174.
14. Меженин В.М. Метки благодарной памяти // Ученый. Эпоха. Память. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова: Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Махлаюка. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2011. С. 36–57.
15. ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 9а. Д. 85.
16. Помазов В.В. Духовной жаждою томим (Из воспоминаний выпускника истфака) // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников (выпуск второй). Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2005. С. 34–53.
17. Кочин Н.И. Семён Пахарев. М.: Современник, 1981. 416 с.
18. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. 298 с.
19. Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая Гвардия, 2008. 848 с.

MAN OF THE EMPIRE AND FUTURE HISTORIAN OF THE EMPIRE IN STALIN'S PRISON (INVESTIGATIVE FILE OF N.P. SOKOLOV)

A.A. Kuznetsov

The article deals with the study of the investigative case of N.P. Sokolov (1890–1979). He was arrested in 1938 and spent four months in prison. The investigative file contains a lot of information about this episode of N.P. Sokolov's biography of and his life before 1938. It follows from the file that N.P. Sokolov approved current activity of the Soviet government. He believed that the Empire was restored in the USSR. The article also represents a kind of reconstruction of N.P. Sokolov's views on the imperial topics. After release from prison N.P. Sokolov became a historian, and his main work was devoted to the history of the (Venetian) Empire.

Keywords: historical science, N.P. Sokolov, Empire, Venetian Empire, information and reference Bureau of the Ministry of Foreign Affairs of the Provisional government, V.A. Butenko, repression, Investigative file, espionage, repression, investigation.

References

1. Central Archive of the Nizhny Novgorod region (TSANO). F. R-2209. Op. 3. D. 782. «Investigative case No. 10169 on the accusation of Nikolai Petrovich Sokolov under Article 58 p. 10 part 1 and 58 p. 6 of the Criminal Code of the RSFSR».
2. Levin A.Ya. Certificate of war and peace. N. Novgorod: PRO SVET, 2016. 502 p.
3. Sokolov N.P. Formation of the Venetian Colonial Empire. Saratov: Publishing house of the Saratov University, 1963. 542 p.
4. Sokolow N. Narodziny Weneckiego Imperium Kolonialnego. Warszawa: Panstwowy Instytut Wydawniczy, 1985. 447 s.
5. Kuznetsov E.V., Mezhenin V.M. Nikolay Petrovich Sokolov // Gorky State University: Outstanding scientists. Gorky: GSU Publishing House, 1988. P. 127–137.
6. Levin A. Without summing up the results... // Almanac on the history of the Middle Ages and Early Modern times. Issue 2. / Ed. by A.A. Kuznetsov, A.N. Maslov. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2011. P. 91–95.
7. State socio-political Archive of the Nizhny Novgorod region. F. 7875. D. 284.
8. Kuznetsov A.A. «In the everyday life of the great construction sites» // A century in the pedagogical field. To the 100th anniversary of the NGPU. N. Novgorod: Publishing House of the NGPU, 2011. P. 56–87.
9. Egorova S.L. Historian V.A. Butenko. Portrait on the background of the epochs. Syktyvkar: Syktyvkar State University, 2013. 140 p.
10. Mikhailovsky G.N. Notes. From the history of the Russian Foreign Ministry. 1914–1920. In two books. Vol. 1. Moscow: International Relations, 1993. 520 p.
11. Extract from the minutes of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b) «On the Commission on post-war projects of the state structure of the countries of Europe, Asia and other parts of the world» of January 28, 1942; Extract from the minutes of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the CPSU(b) on the formation of the Commission on Peace Treaties and Post-war Structure and the Commission on Armistice issues of September 4, 1943 / Bulletin of the Archive of the President of the Russian Federation // Source. Documents of Russian History. 1995. No. 4 (17). P. 116–119.
12. Fionova N.A. Nikolay Petrovich Sokolov (1890–1979). Bibliobiographic reference. Gorkiy: GSU Publishing House, 1990. 15 p.
13. Mezhenin V.M., Kuznetsov E.V. Pages of Nizhny Novgorod historiography: Professor N.P. Sokolov // Research on the history of Russia. N. Novgorod: Publishing House of the NSPU, 1996. pp. 165–174.
14. Mezhenin V.M. Tags of grateful memory // Scientist. Epoch. Memory. To the 120th anniversary of the birth of Professor Nikolai Petrovich Sokolov: Collection of articles and materials / Edited by A.V. Makhlayuk. N. Novgorod: N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Press, 2011. P. 36–57.
15. TSANO. F. R-2734. Op. 9a. D. 85.
16. Pomazov V.V. Spiritual thirst tomim (From the memoirs of a graduate of the history faculty) // Historical faculty through the eyes of graduates and employees (issue two). Nizhny Novgorod: NNSU Publishing House, 2005. P. 34–53.
17. Kochin N. I. Semyon Paharev. M.: Sovremennik, 1981. 416 p.
18. Myagkov G.P. Scientific community in historical science: the experience of the «Russian historical school». Kazan: Publishing house of the Kazan University, 2000. 298 p.
19. Varlamov A.N. Mikhail Bulgakov. M.: Young Guard, 2008. 848 p.